

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

А. А. Павильч

Репрезентация компаративного знания в сравнительных исследованиях культуры: исторический и теоретический аспекты

УДК 81-115

Статья отражает опыт развития и репрезентации компаративного знания. Связь предметной сферы культурологической компаративистики с межкультурным дискурсом обосновывается непосредственным отношением культурологического знания к изучению семантики сходств и различий, разнообразных форм межкультурной коммуникации. Межкультурный дискурс является проекцией интерактивных процессов социокультурного пространства в синхроническом и диахроническом аспектах. Процессы трансформации и модернизации социокультурного пространства обусловили новые тенденции в современных компаративных исследованиях культуры.

Ключевые слова: сравнительные исследования культуры, компаративная парадигма, компаративное знание, межкультурный дискурс, межкультурные различия

A. Pavilch. The representation of comparative knowledge in comparative cultural studies: historical and theoretical aspects

The article reflects the experience of the development and the representation of comparative knowledge. The connection of the comparative cultural studies subject sphere with the intercultural discourse practice is proved by the direct relation of comparative knowledge and studying of the semantics of similarities and differences, of various forms of intercultural communications. The intercultural discourse is a projection of interactive processes of socio-cultural dynamics in synchronic and diachronic aspects. The processes of transformation and modernization of the sociocultural space caused new tendencies in modern comparative cultural studies.

Key words: comparative cultural studies, comparative paradigm, comparative knowledge, intercultural discourse, intercultural differences

Парадигма компаративных исследований культуры зарождалась в контексте имплицитного осмысления разнообразия культуры и затем последовательно формировалась в процессе становления и развития научных основ социального и гуманитарного знания. Памятники письменности позволяют проследить развитие компаративных представлений и идей на раннем этапе оформления сравнительного знания о культуре. Рефлексия социокультурной действительности отразилась в фольклорном, историческом, философском, религиозном, поэтическом дискурсах, располагающих собственными средствами осмысления культурного разнообразия мира и способами репрезентации межкультурных различий. Преобладающей формой репрезентации компаративного опыта в мировом наследии книжной культуры являлось сравнительное описание. Описательная краеведческая и аналитическая информация оценочного характера, отражающая взгляд на собственную и чужую культуры, содержится в разнообразных текстах религиозного и светского содержания, включая христианскую каноническую литературу, поэтические и философские сочинения, летописи, хроники, «хождения», дневники и мемуары путешественников и паломников.

С древнейших времен путешествия, мотивированные религиозными миссиями, паломничеством, дипломатическими, торговыми, военно-политическими целями, способствовали накоплению знаний о чужеземных народах, поскольку предоставляли возможность для непосредственных этнографических наблюдений, сбора и критической оценки фактического материала. Мишель Монтень обратил внимание на то, что познавательный смысл поездок в чужие края не исчерпывается желанием непосредственного восприятия образов и фактов, отличающих пространство другой культуры. По его мнению, более значимым результатом путешествия является способность человека «вывезти оттуда знание духа этих народов и их образа жизни, и для того также, чтобы отточить и отшлифовать свой ум в соприкосновении с умами других» [1:188]. В последующие историко-культурные эпохи путешествие сохраняло статус безальтернативного эмпирического способа постижения поликультурного мира и важной формы межкультурной коммуникации, предвосхитив научную методологию полевых исследований в дальнейших антропологических открытиях. Познавательный потенциал путешествия составил основу остающейся

до сих пор популярной художественной и философской публицистики, позволявшей в форме путевых заметок излагать авторские суждения о культуре разных народов мира и осмыслять межкультурные различия. Компаративная интерпретация культурной информации на основе личных впечатлений широко представлена в творчестве Н.М. Карамзина («Письма русского путешественника»); Ю. Фукудзавы («Руководство для путешествующих по Западу», «Как живут на западе»); Дж. Оруэлла («Англичане»); Ж. Бодрийара («Америка»); В. Овчинникова («Корни дуба», «Ветка сакуры», «Дуб и сакура») и многих других.

Текстуальная констатация опыта восприятия поликультурного пространства в источниках древнейшего времени сведена преимущественно к описательной информации о конкретной культурной среде на фоне другого социального окружения (Геродот, «История»; Аристотель, «Политика», «Этика»; Тацит, «Германия»; Иосиф Флавий, «Иудейские древности»; Марко Поло, «Книга о разнообразии мира» и др.). В сопоставительных наблюдениях преобладали личные впечатления авторов письменных свидетельств. В компаративных взглядах, как правило, доминировали этноцентристские оценки образа жизни, обычаев, творческой деятельности и религиозных верований разных народов. Текстологический анализ позволяет установить, что главным основанием для обнаружения контрастов в сопоставляемых культурах в большинстве случаев являлись религиозные различия.

Анализ мирового наследия книжной культуры дает возможность проследить генезис и эволюцию сравнительного знания о повседневной жизни разных этнонациональных общностей. Опыт компаративной оценки реалий повседневной культуры, отраженный в литературно-художественном творчестве, отличается многоаспектностью своего содержания и способов репрезентации. Осмысление межкультурных различий в собственно литературных текстах является примером поэтической рефлексии поликультурного мира. Повседневная культура отразилась в компаративной репрезентации реалий быта и хозяйственной организации, семейной и религиозной жизни, досуга и развлечений, традиций, обычаев, норм жизнедеятельности и взаимодействия в социокультурном пространстве.

Формированию научных основ сравнительного изучения культурных реалий способствовало углубление аналитических подходов и

развитие теоретических обобщений в интерпретации несоответствий между культурами (Мишель Монтень, Дж. Вико, Ш. Л. Монтескье, Вольтер, И. Г. Гердер, В. Гумбольдт, И. Кант, Г. В. Ф. Гегель, Ф. Ницше и др.). Философская рефлексия культуры, исторические, филологические, искусствоведческие, религиоведческие и антропологические поиски XIX – начала XX в. обусловили развитие эмпирической и теоретической базы культурологической компаративистики и определили последующее выделение ее собственной предметной сферы и оригинальных направлений анализа. Оформление парадигмы сравнительно-исторических исследований и ее последующее утверждение во многих отраслях гуманитарного знания способствовало развитию аналитических подходов в осмыслении поликультурного мира. Научные открытия в филологии, религиоведении, этнологии, искусствознании основывались на расшифровке, переводах и текстологическом изучении письменных первоисточников. До начала XX в. главной эмпирической базой для компаративной интерпретации культур были результаты сравнительно-исторических исследований в языкознании, фольклористике, мифологии, этнографии. Доминировавший в науке исторический аспект соотношения цивилизаций постепенно уступил сопоставительному анализу социокультурных систем, сосуществующих в одном временном пространстве. Соответственно компаративные построения в культурологии и антропологии не могли исчерпываться археологическими и палеонтологическими свидетельствами, данными историко-культурной, лингвистической и этнокультурной реконструкции.

В рассмотрении содержания дискурсов и оценке их возможностей репрезентации компаративного знания, как правило, не учитываются факты интерактивности и органичного переплетения текстовых единств. В этой связи представляется неуместной категоричность дифференциации философского, религиозного, этнонационального, историко-культурного и других взаимосвязанных типов дискурса. Степень сращения или обособления дискурсов в культуре не является показателем ее прогрессирования или отсталости. История западной и русской культуры располагает слишком разнообразными и противоречивыми фактами, чтобы выводить бесспорную закономерность относительно временной, пространственной, идеологической обусловленности разделения или синтеза дискурсов. Если учесть, что

письменность на протяжении тысячелетий обладала особым статусом, являясь мощным коммуникативным средством, хотя и не всегда общедоступным, то при отсутствии других альтернатив литературоцентризм был вполне типичным явлением. В средневековой культуре в условиях церковной монополизации социокультурных сфер дискурсы не могли не синтезироваться в пределах идеологически ангажированной книжности. Религиозный дискурс из числа всех других, независимо от фактора времени, был и остается относительно закрытым для взаимодействия. Альтернатива литературоцентризму появилась в процессе социокультурной трансформации и утверждения новой коммуникативной парадигмы медиацентризма. При этом даже в условиях медиацентризма дискурсы не стали абсолютно автономными. Несмотря на актуальные для декаданса и модерна тенденции разрушения целостности художественного языка, факт взаимодействия и сращения дискурсов оставался актуальным, еще более проявляясь в культуре постмодерна. Распространенной формой отражения компаративной рефлексии культуры является философская эссеистика, характерная особенно для современной западной культуры и отличающаяся синкретизмом дискурсов. Она занимает промежуточное положение между художественной, научной и массовой публицистикой (Ж. Бодрийар, С. Хантингтон, Э. Тоффлер, Ф. Фукуяма). В этом смысле неправомерно отождествлять литературоцентризм с концентрацией дискурсов исключительно в художественном тексте. Художественный литературоцентризм заметно вытеснен современным междисциплинарным дискурсом, сформировавшимся на пограничье социогуманитарного знания и философской рефлексии.

Вопрос о связи или автономии дискурсов является слишком многоаспектным и не может рассматриваться на основе одномерных подходов. Следует различать внешний и внутренний уровни их соотношения. С одной стороны, можно утверждать о переплетении фольклорного, художественного, историко-культурного, религиозного, политического, философского дискурсов, а с другой – интерпретировать проблему внутри отдельно взятого: соотносить реалии конфессиональных культур в рамках религиозного дискурса; этнокультурные традиции в пределах этнонационального дискурса. В данном случае целесообразно утверждать о межкультурном дискурсе. Несмотря на взаимодействие разных содержательных дискурсов, внутри каждого

различают дискурсии сходства, различий и диалога текстов разных культур – в совокупности конструирующих межкультурный дискурс.

Структурно-содержательная логика и опыт сравнительных исследований культуры позволяют отождествлять их компетенцию со сферой анализа межкультурного дискурса, предполагающего соотношение социокультурных систем, цивилизационных комплексов, исторических, региональных, этнонациональных, конфессиональных типов культуры. Сущность межкультурного дискурса обычно сводят к взаимодействию (диалогу) культур. В контексте сравнительных исследований межкультурный дискурс целесообразно отождествлять с репрезентацией и рефлексией подобия и несоответствий в текстах разных культур, а также с проекцией интерактивных процессов в синхроническом и диахроническом аспектах. Понятие интерактивности в целом не исчерпывается фактами взаимодействия самих дискурсов и одновременно подразумевает способность текстовой целостности к рецепции поликультурной действительности и ее коммуникативных процессов. Межкультурный дискурс нельзя сводить к дискурсу мультикультурализма. Межкультурный дискурс – более сложная метакатегория, связанная с конструированием дискурсий подобия, сходства и взаимодействия (диалога) разных культур. Он предполагает соотношение культурных текстов (в широком смысле) с целью установления параллелей и контрастов между ними, и при этом сравниваемые дискурсы могут быть абсолютно закрытыми для взаимодействия [2: 124–125].

Понятие *межкультурный дискурс* не следует смешивать с метакатегориями *интердискурс* и *интрадискурс*, введенными представителями французской школы анализа дискурса М. Пешё, П. Серию и использующимися в разных постмодернистских интерпретациях культуры. Интердискурс понимают как совокупность внешних социокультурных и языковых факторов, обуславливающих специфику текстовой целостности. Интердискурс допускает совершенную открытость любых дискурсивных практик и исключает «контрастное соположение дискурсивных формаций, рассматриваемых независимо одна от другой». Интердискурсивность рассматривается как совместная артикуляция различных дискурсов и жанров «в одном коммуникативном событии», результатом чего становится «изменение границ и внутри строя дискурса, и между различными дискурс-строями». Ин-

тердискурсивность представляется своеобразной формой интертекстуальности. Интрадискурс, являясь альтернативным интердискурсу, подразумевает внутреннее присутствие в тексте элементов (следов) внешнего дискурса [3:553].

Системная репрезентация компаративных исследований культуры отражает следующие уровни научного анализа, подтверждающие сочетаемость сравнительной интерпретации эмпирического материала и последующих теоретических обобщений:

- частные исследования, включающие соотношение отдельных артефактов, форм, структурных компонентов, типов культуры;
- систематизация и типологизация результатов сравнительного анализа фактов культуры;
- соотношение понятий и категорий, составляющих основу тезаурусов разных культурных систем;
- определение степени эквивалентности языков описания разных культур;
- конструирование генотипов культуры;
- разработка метаязыка сходства и различий, наиболее адекватного содержанию межкультурного дискурса и реалиям коммуникативной практики.

Компаративная модель интерпретации культуры, оформившаяся в западной антропологии до середины XX в., впоследствии развивалась в специализированных сферах социального и гуманитарного знания. Парадигмальные изменения в социокультурном пространстве обусловили появление новых исследовательских приоритетов и способствовали переносу акцентов на решение актуальных проблем современного общества. Трансформация парадигмы сравнительных исследований культуры выражается в усложнении их структуры и содержания, модернизации и корректировании проблемных полей, реализации новых научных принципов и методологических подходов в анализе. Распространенные тенденции современных компаративных поисков свидетельствуют об интегративных путях решения проблемы обеспечения встречи и конструктивного сосуществования культур в гетерогенном обществе, в то время как проекты сравнительных исследований в западной антропологии XIX – начала XX в. были сосредоточены преимущественно на изучении жизнедеятельности традиционных обществ. При этом научный интерес к ним нередко мотиви-

ровался колониальной политикой западного мира, нуждавшегося в комплексных знаниях о завоеванных европейцами территориях и народах для дальнейшего утверждения своего господства. Однако в современной компаративистике по сравнению с антропологическими традициями значительно уменьшилась роль непосредственного опыта наблюдения и текстологического анализа, что вполне объяснимо многочисленными возможностями и ресурсами информационного пространства в условиях медиацизма, хотя подобные альтернативы не всегда убедительны по степени их фактической достоверности и содержательной глубины. В отличие от классической схемы поэтапного сравнительного анализа становится ощутимым стремление к упрощению его структуры. Сравнительная интерпретация реалий современной культуры нередко сводится к философской рефлексии ее фактов, явлений и событий и замыкается в ней, как в первостепенной задаче компаративистики, а, следовательно, компаративные интенции растворяются в формате философской эссеистики.

Компаративный подход является неременным методологическим основанием в интерпретации текстов другой культуры, поскольку декодированию и пониманию знаково-символического содержания языка культуры, составляющего основу формирования историко-культурного, социокультурного, этнонационального, религиозного опыта духовного освоения мира, всегда непосредственно или косвенно сопутствуют логические приемы сравнения и сопоставления как исходные и универсальные компоненты когнитивного процесса, способствующие соотношению объектов познания и выявлению их качественных особенностей. Культурную дистанцию измеряет содержание различий, определяющих специфику региональной, этнонациональной, конфессиональной организации народов. Рецепция *другого* и *чужого* затрагивает разные уровни метатеоретического анализа тех или иных аспектов межкультурного дискурса, поскольку предполагает поиск бинарных оппозиций как вне определенной социокультурной среды (эксплицитно), так и в ее пределах (имплицитно).

Современные исследования межкультурных различий по степени основательности своих поисков и заключений значительно уступают теоретическим обобщениям представителей разных традиций классической и неклассической философии, имеющим фундаментальный характер и устойчиво сохраняющим статус постулатов. Например, ло-

гические построения в немецкой трансцендентальной философии отличаются целостностью конструирования индивидуальных морфологических моделей на основе выявления типологических сходств и устойчивых различий в сопоставляемых локальных культурах. Распространенная в научной практике модель кросскультурных исследований часто допускает констатацию несоответствий или сходства в сопоставимых культурах, выводя их из частных, спорадических, изменчивых фактов. При этом в качестве основополагающих критериев дифференциации культур преобладают такие весьма не убедительные и не исчерпывающие персональность и уникальность культуры характеристики, как нравственное поведение, интеллектуальные способности, социально-экономический статус, финансовый достаток и материальное благополучие, особенности регулятивного стиля жизнедеятельности, степень деловой активности и этикет делового общения. В изучении природы и содержания межкультурных различий в разных научных областях не всегда учитывается контекстуальность, степень их стабильности, не берется во внимание относительность личностных качеств и психологических характеристик, изменчивость национального характера и социального поведения.

-
1. Монтень М. Опыты: в 3 кн. СПб.: Кристалл, Респекс, 1998. Кн. 1–2.
 2. Павильч А. А. Становление и трансформация статуса культурологической компаративистики. Минск : МГЛУ, 2011.
 3. Серио П. Анализ дискурса во французской школе: Дискурс и интердискурс // Семиотика: антология; сост. Ю. С. Степанов. М. : Академ. Проект; Екатеринбург : Деловая кн., 2001. С. 549–561.